

9. Sheler M. Polozhenie cheloveka v kosmose (Man's position in space). *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* (The problem of man in Western philosophy). Moscow, 1988, pp. 31–96.
10. Grof S. *Beyond the brain: Birth, death, and transcendence*

in psychotherapy. New York, 1985. 466 p. (Russ. ed.: Grof S. *Za predelami mozga*. Moscow, 1993. 498 p.).

- 11 Teilhard de Chardin P. *Le Phénomène humain*. Le Seuil, 1970. 320 p. (Russ. ed.: Teyyar de Sharden P. *Fenomen cheloveka*. Moscow, 1987. 239 p.).

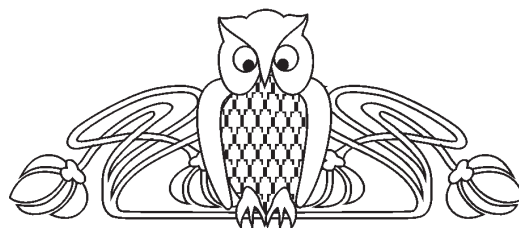
Please cite this article in press as:

Pozdneva S. P. V. I. Vernadsky: Biosphere, Noosphere and Humans. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 402–408. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-402-408.

УДК 111

ЭФФЕКТ ШУСТЕРЛИНГА (ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ У КАНТА И ДАНИИЛА ХАРМСА)

Секацкий Александр Куприянович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, Институт философии при СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: asekatki@mail.ru

Статья представляет собой метафизическое исследование выделения причинных отношений из простой длительности времени. Причина, вызывающая отличное от нее следствие (действие), сама требует предварительных условий, как логических, так и онтологических, и эти условия лучше всего описываются благодаря сопоставлению философских принципов Канта и не менее философских примеров Даниила Хармса. Рассматривается «эффект Шустерлинга», предшествующий любой каузальности. Тем самым можно сделать вывод, что строгое философское исследование творчества ОБЭРИУтов таит и другие открытия, не только культурологического, но и метафизического плана. Текст представляет собой попытку, вынося за скобки весь биографический и даже герменевтический контекст, напрямую привлечь к делу ход мысли Иммануила Канта, образы Даниила Хармса и логику даосских притч. Представляется, что такой подход проливает свет на проблему соотношения причинности (каузальности) и времени вообще.

Ключевые слова: каузальность, темпоральность, Хармс, Кант.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-408-412

1. После того и вследствие того

О влиянии на творчество Хармса и других ОБЭРИУтов различных философских направлений, включая и классическую немецкую философию, говорилось неоднократно. Собственно, задачей типичной филологической статьи всегда было найти некоторый параллелизм и указать на него с цитатами в руках. Здесь я ставлю другую задачу: показать, как могут быть использованы идеи и образы Хармса в продумывании, а возможно, и в решении одного из важнейших философских вопросов: проблемы времени и причинности. Собственно, я пытаюсь, вынося за скобки весь биографический и даже герменевтический контекст, напрямую привлечь к делу Иммануила

Канта и Даниила Хармса. Мне представляется, что такой подход проливает свет на проблему соотношения причинности (каузальности) и времени вообще.

Чтобы разобраться с источником возникающих здесь трудностей, потребуется разветвляющийся ход мысли, поскольку тема «причинность и время» многогранна и крайне запутана. Прежде всего: в чем смысл привилегированности той группы моментов времени, которые составляют причину? Чем они отличаются от любой другой последовательности моментов того же самого времени? И. Кант пытается апеллировать к временному порядку, но разве прочие совокупности моментов беспорядочны? Явления, как бы мы их ни понимали, связаны, конечно, причинно-следственной цепочкой, но это не единственная форма упорядоченности. Дело в том, что речь, по существу, идет лишь об одной разновидности причин – о причинах изменчивости, в этом пункте Кант примыкает к традиции Вольфа, а в конечном счете и к платоновской идее.

Согласно этой традиции, только изменчивое подлежит объяснению, неизменное же не нуждается в объяснении, во всяком случае, не предполагается, что неизменность неизменного требует какой-либо действующей причины. Тезис, что существует не только причина всякого изменения, но и неизменность должна иметь свои причины (т.е. продолжающееся пребывание в неизменности), связан, прежде всего, с именем Анри Бергсона, хотя схожие мысли мы можем найти и у предшествующих мыслителей – у поздних схоластиков, у Р. Декарта, в философии

Хабада. В самом деле, почему пребывание в неизменности мы должны считать меньшим чудом, чем произошедшее изменение? Уже сама первичность неизменного вызывает сомнения. В большинстве космологий, включая Ветхозаветную, стабильность представляет собой результат или итог демиургического вмешательства в исходную невразумительность дотворческого состояния мира. Извлечение хороших форм из бесформенности как раз и составляет саму суть творческого преобразования мира [1].

Но пока нам достаточно того факта, что порядок моментов, образующих причину, остается неким хронопорядком, независимо от того, о какой причине идет речь – о причине *иного* или о продолжающемся самопричинении субстанции. Идея субстанции неразрывно связана с идеей *causa sui*, важно лишь отметить, что субстанция не просто «раз и навсегда» причинила себя – когда-то в прошлом: она непрерывно причиняет себя в настоящем времени. Как раз это *усилие причинения* относится к содержанию времени как настоящего и собственного – причем речь идет о достаточно абстрактном содержании, о некоей минимальной темпоральности, которая есть даже у тех времен, которые не имеют направления, т.е. непрерывности различия между прошлым, настоящим и будущим. Эффект *causa sui* есть просто иное имя такого свойства времени, как длительность (*durite*). Но не является ли тогда следствие чем-то отличным от причины, прежде всего, результатом прекращения самопричинения? К этому предположению я и хотел бы обратиться с намерением рассмотреть «ряд условий всякого обусловленного» и восстановить пропущенное Кантом первое условие в ряду.

2. Эффект Шустерлинга

Согласно предположению, первое условие в ряду оказывается негативным: всякое отдельное нечто (т.е. любое, отличное от причины следствие) возможно благодаря перебою в самопричинении субстанции: оно возникает в просвете длительности некоего собственного времени. При этом просвет должен быть достаточно вместительным: если он слишком мал, никакое «следствие» в нем невозможно – оно не поместится. Иными словами, перебой в длительности, не превышающий кванта собственного времени, не замечается и не меняет спектр происходящего. Лучшую иллюстрацию к этому тезису я нашел в «Сказке» Даниила Хармса. Вот Леночка рассказывает Ване сказку о кузнеце:

«Жил-был кузнец. Вот однажды ковал он подкову и так взмахнул молотом, что молот сорвался с рукоятки, вылетел в окно, убил четырех

голубей, ударился о пожарную каланчу, отлетел в сторону, разбил окно в доме брандмейстера, пролетел над столом, за которым сидел сам брандмейстер и его жена, проломил стену в доме и вылетел на улицу. Тут он опрокинул на землю фонарный столб, сшиб с ног мороженщика и стукнул по голове Карла Ивановича Шустерлинга, который на минутку снял шляпу, чтобы проветрить свой затылок. Ударившись о голову Карла Ивановича Шустерлинга, молот полетел обратно, опять сшиб с ног мороженщика, сбросил с крыши двух дерущихся котов, перевернул корову, убил четырех воробьев и опять влетел в кузницу и прямо сел на свою рукоятку, которую кузнец продолжал держать в правой руке. Все это произошло так быстро, что кузнец ничего не заметил и продолжал дальше ковать подкову» [2, с. 277].

В этой изящной истории сформулирован фундаментальный принцип времени, один из самых удивительных эффектов Иллюзиона, который по справедливости следует назвать *эффектом Шустерлинга*. Этот эффект является универсальным и действует для всех собственных времен. Температура жидкого гелия, ближайшая к абсолютному нулю, губительна для всего живого. Но если буквально «на минутку» погрузить руку в жидкий гелий и тут же ее выдернуть, *ничего не случится*, никто просто «ничего не заметит». Аналогично обстоит дело и с разрядом электротока даже сверхвысокого напряжения, если речь идет о точечном разряде, продолжительность которого не превышает эталонного времени *dt.*, подвергшийся воздействию обходится без последствий, а причина остается без следствий. Причинения не происходит. Вспомним наглядный опыт из школьной физики: стакан, до краев налитый водой, накрывается листом бумаги, а затем резко переворачивается – и вода не разливается. Но стоит промедлить – вода выплеснется, жидкий гелий разрушит живую ткань, молот не попадет на рукоятку, кузнец не докует подкову.

Можно взять пробу собственного времени и из других участков спектра времен: если перерыв звукового сигнала не превышает 2 мсек, звук воспринимается как непрерывный, если этот сверхкороткий звук вклинивается в тишину, непрерывность воспринимаемой тишины сохраняется [3, р. 37.]. Одним словом, если перебой причинения слишком мал, срабатывает эффект Шустерлинга – и именно этому эффекту мир обязан своей фоновой длительностью. Мы сталкиваемся с упругостью времени примерно так же, как молот с упругой лысиной Карла Ивановича Шустерлинга, – внутренняя непрерывность времени еще и

потому непрерывна, что способна перескакивать (перетекать) через сверхмалые внешние прерывы. Можно было бы сказать, что *хроноизоляция* есть аналог структурной прочности: на самом деле, скорее имеет место обратное, и хроноизоляция идет первой в ряду условий возможности сущего, так же как перебой самопричинения, превышающий интервал Шустерлинга, является первым негативным условием происхождения, условием, освобождающим место (просвет) возможному следствию.

Теперь можно снова отдать должное прозорливости Канта, поместившего причинность вовнутрь темпоральности (в отличие, например, от Гуссерля, не разглядевшего темпоральную подкладку каузальности), Канту лишь не хватало иногда разрешающей способности для разведения самопричинения (*causa sui*) и *инопричинения* – порождения следствий, но хроноскопия всегда была труднейшим делом для метафизики. Кант, во всяком случае, ищет там, где нужно – посмотрим, как он пытается выбраться из трудного положения: «Большинство действующих причин в природе существуют одновременно со своими следствиями, и временная их последовательность вызвана лишь тем, что причина не может произвести всего своего действия в одно мгновение» [4, с. 161]. Тут, казалось бы, открывается прямой путь к введению принципа хроноизоляции и открытию эффекта Шустерлинга, однако Кант сворачивает в сторону: «...в тот момент, когда действие только возникает, оно всегда существует одновременно с каузальностью своей причины, так как оно не возникло бы, если бы за мгновения до его появления причина исчезла» [4, с. 161]. Следствие, напротив, может возникнуть только в интервале, в перебое непрерывности самопричинения: исчезновение какой-либо уже действующей причины есть первое (негативное) условие возникновения (причинения) какого-нибудь иного следствия. Следствию можно втиснуться в тесноту *сейчас* единственным способом: пробив хроноизоляцию происходящего, проломив упругий затылок Карла Ивановича Шустерлинга. Вспомним Сигизмунда Кржижановского, он писал, что если предположить столь обширное поле сознания, что восприятия, накапливаясь в нем, не теснили бы друг друга, то на всех хватило бы настоящего. Это – портрет вечности, отсутствия времени: ясно, что здесь нет ни причин, ни следствий, ибо нет никаких способов отличить их друг от друга, все происходящее дано сразу, а время есть как раз возможность избежать данности всего сразу. Иными словами, если элиминировать причинность, время еще останется, но если элиминировать время, разговор о причинности потеряет всякий смысл.

Впрочем, полученная таким образом экстемпорированная вечность абсолютно гипотетична, это – дряблая и аморфная бессубстанциональность, лишенная напряженности настоящего. Она маячит где-то на горизонте возможного будущего как покинутая субъектом недействительность. Сеть причинно-следственных связей проступает сквозь синхронизацию и расталкивание времен: настоящее, включающее в себя актуальность причинно-следственного отношения, невозможно за счет чистой инерции бытия как пребывания – лишь убывание есть форма погружения настоящего в прошлое. Можно ли сказать, что стрелы причинности (вернее, инопричинения) легче вонзаются в дряхлеющие, истекающие времена, расстраивая единство происходящего, которое уже по большей части исполнено (произошло)? Едва ли можно однозначно ответить на этот вопрос, но важность перебора в длительности в качестве источника детерминирования не подлежит сомнению. И Кант пытается с разных сторон подобраться к этому пункту: «Время между каузальностью причины и непосредственным ее действием может быть *ничтожно малым* (курсив мой. – А. С.) (так что они существуют одновременно), но отношение между причиной и действием все же остается определенным по времени» [4, с. 162]. В ряде случаев перевод Н. О. Лосского, в целом вполне вразумительный, к тому же добросовестно сверенный М. И. Иткиным и Ц. Г. Арзаканяном, вызывает сомнения, это относится и к словосочетанию «каузальность причины». Кант вводит *степени*, надеясь совместить плавность шкалы времени и отчетливую дискретность причины и действия: «причина производит изменения не внезапно (не сразу или в одно мгновение), а во времени, так что и время нарастает от начального мгновения *a* вплоть до своего завершения в *b*, и величина реальности (*b – a*) производится через все меньшие степени, находящиеся между первой и последней степенью. Значит, всякое изменение возможно только благодаря непрерывному действию причинности, которое, поскольку оно однородно, называется мгновением. Изменение не состоит из таких мгновений, а производится ими как следствием их» [4, с. 164]. Остается только устранить смешение негативного и позитивного условий инопричинения (развести *causa effecta* и *causa sui*), оставив определение мгновения как минимального участка длительности *собственного* времени (непрерывное действие причинности), на котором выполняется эффект Шустерлинга, и следующий по величине интервал и будет квантом собственного времени.

Но как раз здесь передвижение вдоль шкалы требует особой осторожности. Мы вправе отвергнуть тезис Канта о том, что «ни одно различие реального в явлении, так же как ни одно различие в величине времени не есть наименьшее различие» [4, с. 164]. Напротив, наименьшее различие это как раз различие во времени, которое может быть столь мало, что не нарушает непрерывности явления – в чем, собственно, и состоит эффект Шустерлинга, подтверждающий, что хроноизоляция явлений конституирует саму реальность реального или, если угодно, возможность опыта наряду с локализацией объектов в пространстве, т.е. наряду с экземплярностью сущего, при том, что в ряду условий всякого обусловленного хроноизоляция, как мы увидим, предшествует экземплярности и численности. Тем большего внимания заслуживает следующая фраза Канта: «Новое состояние реальности вырастает из прежнего состояния, в котором ее не было, проходя через бесконечный ряд степеней, отличающихся друг от друга меньше, чем 0 от a » [4, с. 164]. Применяя технику пристальной хроноскопии, мы можем обнаружить интервал, превышающий мгновение – такой, где эффект Шустерлинга уже не выполняется, а линейная смена причины действием *еще* не выполняется.

Пристальная хроноскопия позволяет выстроить градуальный ряд и там, где механический детерминизм обнаруживает только «пропасть между явлениями», поскольку мы выводим из хрономаскировки, из неразличимости три первых члена причинно-временного ряда, визуализируем тот участок шкалы, где причинение еще не отличается от временения, т.е. сферу обыкновенного темпорального, кольцевой аттракцион Иллюзиона. Возьмем два обычно пропускаемых начальных пункта всякого возможного инопричинения, хотя их можно и дополнительно детализировать.

1. Эффект *causa sui*, конституирующий самоидентичность сущего, т.е. любое произвольно взятое «постоянное в явлениях» в смысле Канта. *Причина самой себя* есть вполне достаточное определение субстанции на весь период ее самоидентичности. Изречение Гераклита «все течет, все изменяется» описывает именно изменчивость постоянного, смену акциденций в субстанции – что было ясно уже до Канта, например, Николаю Кузанскому, ибо в противном случае (в случае абсолютизации тезиса Гераклита) мы получаем изменение самого изменения, нулевую событийность. Очевидно, что в выморочном экстемпорированном мире, где отсутствует даже обыкновенное темпоральное –

непрерывность самопричинения, царит именно нулевая событийность. Где нет постоянного в явлениях, там нечему и меняться.

2. Эффект Шустерлинга, подтверждающий прочность бытия (устойчивую экземплярность) и свидетельствующий о наличии хроноизоляции. Эффект гласит: инопричинение не может вклиниться там, где длительность воздействия не превышает кванта некоего собственного времени. К возможным мирам, где эффект Шустерлинга не выполняется или не требуется, относятся уже указанный химерный мир нулевой событийности (тоху ва боху) и абстрактная «вечность», где всему хватает места и траектории событийности не пересекаются и не пресекаются, где исключены, в частности, отношения предшествования и следования за. Таков, например, Бог Спинозы, который «не может больше творить».

Эти пункты органично встроены в отношение темпоральности и лишь далее причинно-временной ряд плавно переходит к отношениям каузальности. Дискретность причинения в данном случае является мнимой, она объясняется слабой разрешающей способностью органов встроеной хроноскопии. Только после того как зона контакта зачищена, некий фактор, как правило, из числа постоянно присутствующих, вторгается, сметая единство происходящего (субстанцию) и зачастую закрепляя его на новом близлежащем субстрате, на подвернувшемся материальном носителе. Ясно, впрочем, что разветвленность каузальных отношений, их включенность в ткань времени вовсе не сводится к простому четырехтактному детерминизму, не сводится и к последовательному соединению факторов в ряду условий. Проводники причинения пронизывают тело времени со всех сторон и во всех направлениях. И надежнее всего это можно постичь, соединив опыт Канта и Хармса.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Логос и поэзис: филологическая герменевтика русского поэтического высказывания» (№ 16-03-00669).

Список литературы

1. Секацкий А. К. Вода, песок, бог, пустота // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 1. С. 170–191.
2. Хармс Д. Полет в небеса. Стихи, проза. СПб., 1991. 560 с.
3. Fraser J. T. Time as Conflict. A Scientific and Humanistic Study. Basel, 1978. 356 p.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. СПб., 2008. 644 с.

Образец для цитирования:

Секацкий А. К. Эффект Шустерлинга (проблема времени у Канта и Даниила Хармса) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 408–412. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-408-412.

Shusterling's Effect (Problem of Time in Thought of Kant and Daniil Harms)

A. K. Sekatskiy

St. Petersburg State University
23/60, Zacharievskaya str., St.-Petersburg, 191123, Russia
E-mail: asekatki@mail.ru

The article represents metaphysical research of allocation of the causal relations from the simple duration of time. The reason causing a consequence, other than it, itself demands precedent condition – logical and ontological – and these conditions are best of all described because of comparison of the philosophical principles of Kant and not less philosophical examples of Daniil Harms. In article is considered «Effect of Schusterling», preceding any causality. Thereby it is possible to draw a conclusion, that strict philosophical research of «OBERIU» creativity conceals also other opening, not only the culturological, but also metaphysical plan. The problem of a temporality and causality is extremely confused and many-sided. Not only the German idealists tried to solve it, but also OBERIUs. Task following is not comparison of one with others, but: to show as Harms' ideas and images can be used in premeditation and it is possible also in the solution of one of the major

philosophical questions: problems of time and causality. Actually, I try to put outside brackets biographical and hermeneutical context, and directly to involve in busy Immanuel Kant, Daniil Harms and Chinese Daoses. I think, that such approach sheds light on a problem of a ratio of causality and time in general.

Key words: causality, temporality, Harms, Kant.

Referencas

1. Sekatski A. K. *Woda, pesok, bog, pustota* (Water, Sand, God, Emptiness). *Metafisika Peterburga* (Peterburgskie chtenia po teorii, istorii i filosofii culture. Vyp. 1). (Metaphysics of St.-Petersburg {St.-Petersburg readings on theory, history and philosophy of culture}). St.-Petersburg, 1993, iss. 1, pp. 170–191.
2. Harms D. *Polet v nebesa. Stikhi. Proza* (Flight to the heaven. Poetry, Prose). St.-Petersburg, 1991. 560 p.
3. Fraser J. T. *Time as conflict. A scientific and humanistic study*. Basel, 1978. 356 p.
4. Kant I. *Kritika chistogo rasuma* (The Critique of Pure Reason). St.-Petersburg, 2008. 644 p.

Please cite this article in press as:

Sekatskiy A. K. Shusterling's Effect (Problem of Time in Thought of Kant and Daniil Harms). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 408–412. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-408-412.

УДК 316

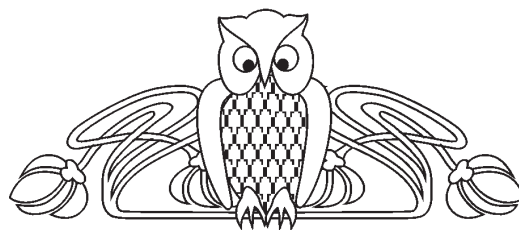
ТОПОЛОГИЧЕСКОЕ ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Азаренко Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. E-mail: sergey_azarenko@mail.ru

Статья посвящена топологической философии. Формирование человеческого бытия протекает в ходе коммуникации, представляющей собой род телесных взаимодействий, которые, опространсливаясь, превращаются в различные формы социального мира. Социальность возникает через конфигурирование ее онтологических составляющих, таких как телесность, местность и совместность. Процесс воспроизводства совместности происходит в ходе регулярного телесного взаимодействия между людьми посредством определенной социальной практики, благодаря которой порождается определенное со-общение, способствующее при-общению людей к своему со-обществу с определенными представлениями и ценностями.

Ключевые слова: совместность, телесность, социальная коммуникация, социальная топология, сообщаемость, знаки, символы.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-412-417

Конструирование мира людьми со времени традиционного общества производилось через два основных действия – складывание и вычитание. И потому, например, у древних греков арифметика (счет) и геометрия (оперирование пространственно-телесными объектами) были связаны, а математика была у истоков порождения культуры. Анализируя это обстоятельство, Э. Гуссерль приходит к выводу, что «начало» геометрии у греков фактически совпадает с «началом» языка (сообщение) [1]. Тем самым он показывает перспективность решения данного вопроса средствами феноменологического подхо-